

и славянские общины в Македонии и Пелопоннесе, видимо, имели более ярко выраженные семейно-родовые черты³³.

Итак, мы видим, что характер и особенности ранневизантийской общины понимаются советскими византинистами по-разному. Однако при наличии расхождений по некоторым вопросам, все ученые сходятся в оценке ранневизантийской общины как результата синтеза славяно-византийских общественных отношений и в констатации ее сравнительной прочности. Учитывая, что скудость известных сейчас источников препятствует убедительному решению спорных вопросов и об эволюции общинных отношений, и о локальных особенностях их развития, нужно признать желательным создание специальной работы об истории византийской общины.

Некоторые советские ученые усматривают специфику развития византийского феодализма не столько в существовании славяно-византийской общины (хотя и не отрицают ее значения), сколько в наличии в Византии в период формирования феодализма крупных городов — центров ремесла и торговли. Так, М. Я. Сюзюмов в ряде своих исследований³⁴ выдвигает тезис о борьбе в Византии двух путей формирования феодализма — городского (по типу городов-республик Италии) и общинного (по типу Меровингского государства), причем в раннее средневековье, по его мнению, преобладающая роль принадлежала первому пути развития. С точки зрения А. П. Каждана, своеобразие византийского феодализма заключалось в существовании наряду с общинной сильной централизованной государственной власти, в наличии «государственных» крестьян и преобладании в IX—X вв. централизованной ренты. Поскольку отдельные феодалы были недостаточно сильны, чтобы подчинить своей власти общину, то, по мнению А. П. Каждана, они предприняли централизованный натиск на крестьянство, осуществлявшийся государством как органом класса феодалов; поэтому параллельно с формированием вотчины происходил процесс превращения «свободного» крестьянства в государственных зависимых людей³⁵.

Византийское крестьянство на первом этапе развития феодальных отношений, оставаясь в подавляющем большинстве «вне сферы действия вотчинной эксплуатации, тем не менее стало зависимым». Его сензором сделалось государство, взимавшее централизованную ренту в разных формах и прикрепившее на протяжении IX—X вв. к земле все основные категории зависимого населения. Система эпилленгий, утвердившаяся к началу X в., еще более усугубила зависимость «государственных крестьян»³⁶.

Представление о централизованной эксплуатации крестьянства в IX—X вв. разделяет К. А. Осипова. В центре ее внимания находится один «из наиболее действенных рычагов» превращения свободных общинников в государственных париков — эпилленгий в X в.³⁷

³³ Там же.

³⁴ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ, XI, 1956, стр. 55—81. Ср. Е. Э. Липшица. К изучению экономики пригородов Константинополя в X в. ВВ, XIV, 1958, стр. 81—84; М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. ВВ, XVII, 1960, стр. 3—16.

³⁵ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 419.

³⁶ А. П. Каждан. Византийская община IX—X вв. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1956, стр. 94; е. г. ж. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. ВВ, X, 1956, стр. 53; е. г. ж. Деревня и город..., стр. 30, 189.

³⁷ К. А. Осипова. Эпилленгий в Византии в X в. ВВ, XVII, 1960, стр. 31—35. Полемизируя с И. Караяннопулосом, утверждавшим, что принцип коллективной податной ответственности оставался неизменным на протяжении всей истории Византии, К. А. Осипова считает, что эпилленгий как специфическая форма податной ответственности возник в X в. После 928 г. эпилленгий взимался в форме податей, вносившихся соседями за опустевшие земли односельчан. В период 928—941 гг., по-видимому, была введена особая система податных и земельных изъятий и новая форма